

Ход переговоров Черчилля и Сталина достаточно обстоятельно отражен в литературе. В контексте заявленной темы важно отметить, что тогда впервые прозвучал неприятный звонок для Майского — ему запретили сопровождать Черчилля в Москву. Это удивило Черчилля и Идена. Удивлен был и сам Майский. В «Дневнике» это не отражено, но в мемуарах он записал: «Мне самому этого хотелось: так интересно было бы участвовать в столь ответственном историческом событии, однако Москва предложила мне оставаться в Лондоне»⁴³.

В период московских переговоров Черчилль вспоминал Майского в связи с тем, что его не устраивал ни «корявый» перевод В. Павлова, ни собственный переводчик Денлоп. Хотя Майский, по словам адмирала Харламова, главы советской военной миссии в Лондоне, говорил по-английски с акцентом, его перевод всегда был очень точен по существу. Позднее Иден сказал Майскому: «Как хорошо было, если бы вы могли быть между ними переводчиком! Надо уметь переводить не слова, а дух переговоров! Вы это умеете!»⁴⁴. Во время встречи на квартире Сталина в ночь на 16 августа Черчиллю переводил майор Бирс — «очень хороший переводчик», по словам премьера.

Оставаясь в Лондоне, Майский хотел хотя бы заочно принять участие в московских переговорах. 7 августа он написал Сталину, высказывая свое мнение относительно внешней политики СССР. «Наша позиция: а) единая стратегия союзников, б) второй фронт, в) ограниченный десант, о котором Черчилль говорил тов. Молотову, г) помощь нам на Кавказе... д) северные операции, е) усиление воздушных бомбардировок Германии, ж) учащение и усиление рейдов на французский берег, з) усиление снабжения СССР». Майский подчеркивал: «Я надеюсь, однако, что Вам удастся найти аргументы, которые смогут убедить Черчилля изменить свою позицию и принять меры к открытию второго фронта в 1942 г.»⁴⁵.

Неизвестно, как Сталин отнесся к этим рекомендациям Майского, а вот Молотов обвинил посла в превышении служебных полномочий⁴⁶. В ходе заключительной встречи Сталина и Черчилля между ними произошел обмен репликами по поводу Майского. Это отражено только в английском варианте записи, сделанном переводчиком Черчилля Бирсом, в русском варианте записи, сделанном Павловым, это не зафиксировано. «Премьер-министр сказал, что г-н Майский хороший посол. Г-н Сталин согласился, но сказал, что он мог бы быть лучше, он слишком много говорит и не может держать язык за зубами»⁴⁷.

Что явилось конкретным поводом для столь жестких слов Сталина, остается неизвестным. Может быть, советский лидер вспомнил события уже далекого 1939 г., когда вызванный из Лондона в Москву Майский имел несанкционированную встречу с министром иностранных дел Финляндии Эрко. Содержание беседы Майского с Эрко о создании «мирного фронта» проникло в печать и вызвало раздражение Сталина.

Но пока Майский пользовался доверием Сталина и между ними продолжалась переписка. Более того, в сентябре 1942 г. Майский был награжден орденом Ленина за десятилетнюю работу послом в Лондоне.

После августовского визита Черчилля в Москву в советско-английских отношениях наступило временное улучшение. В октябре-ноябре 1942 г. ситуация на советско-германском фронте резко ухудшается. 3 ок-